

На правах рукописи

Соков Павел Вадимович

**РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ VIII-IX вв.
СРЕДНЕЙ КУБАНИ**

Исторические науки – 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Воронеж – 2004

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Работа выполнена в Армавирском государственном педагогическом университете

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Виноградов Виталий Борисович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Кудрявцев Александр Абакарович
кандидат исторических наук
Ковалевский Виктор Николаевич

Ведущая организация: Кубанский государственный университет

Защита состоится 4 октября 2004 года в 13.00 часов на заседании диссертационного совета К 212.038.01 при Воронежском государственном университете по адресу: 394068, г. Воронеж, Московский проспект, 88, ауд. 312.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воронежского государственного университета

Автореферат разослан " " 2004 г.

Ученый секретарь
специализированного совета

Цыбин М.В.

Первые археологические обследования территории Средней Кубани были начаты известным кубанским историком XIX века - Е.Д. Фелициным. Выборочное обследование правобережья Кубани, осуществленное им, привело к первой фиксации отдельных раннесредневековых древностей, впоследствии включенных в составленную им "Археологическую карту Кубанской области" [Фелицин Е.Д., 1882, рис.1]. Долгое время эти сведения являлись единственными. Только после Великой Отечественной войны археологические работы на Средней Кубани были продолжены проф. Н.В. Анфимовым. Небольшая серия городищ, поселений и отдельных могильников, открытых исследователем была отнесена им к временному диапазону с VII по X вв. [Анфимов Н.В., 1982]. Разведочные исследования начала 70-х годов на территории Ставропольской возвышенности, на Кубани и по р. Егорлыку, проведенные А.В. Гадло и А.В. Найденко, выявили несколько бытовых и погребальных памятников VIII-IX вв. Среднекубанские археологические объекты, в силу своей специфичности и географии расположения были выделены в локальный вариант СМК, якобы, занимавший "промежуточное место между аланской культурой племен предгорий Северного Кавказа" и древностями раннесредневековых степняков Дона и Приазовья [Гадло А.В., Найденко А.В., 1973]. Эта версия открывала новые перспективы для осмысления всех известных к тому времени археологических памятников VIII-X вв. Средней Кубани. Работы 1980-х г. проводившиеся в тех же районах Х.Х. Биджиевым, привели к появлению совершенно иной точки зрения, предполагавшей отождествление всех среднекубанских объектов с памятниками болгар [Биджиев Х.Х., 1985].

Отмеченная противоречивость в этнокультурной оценке раннесредневековых археологических памятников на Средней Кубани сама по себе демонстрирует *актуальность* выбранной нами темы. С другой стороны, начиная с лета 1993 года планомерные и стационарные исследования бытовых и погребальных памятников VIII-IX вв. осуществляются в округе хутора Горькая балка Новокубанского района Краснодарского края [Нарожный Е.И., 1993-2003; Пелих А.Л., 1997-1998, 2000; Соков П.В., 2000-2001]. За все это время был выявлен и отчасти изучен Горькобалковский археологический комплекс, представляющий собой небольшую цитадель с мощной системой фортификации, прилегающими к ней поселениями-сателлитами и двумя синхронными могильниками. Выявленный комплекс позволяет не только кардинально изменить представления об этнокультурном составе населения оставившего его, но и вполне реально проследить место и роль данных объектов в системе синхронных объектов Верхнего Прикубанья. Достаточно актуальным представляется и определение места горькобалковских памятников в системе Хазарского каганата.

Разнохарактерность типов погребальных обрядов на обоих могильниках Горькой балки делает актуальной и первоочередную работу по сравнению имеющихся данных с погребальными объектами горной зоны и предгорий, а

так же степной полосы Северного Кавказа. Новый раскопный материал 1993-2003 гг. повлек за собой и необходимость корректировки представлений о конфессиональной ситуации в данной округе [Нарожный Е.И., Соков П.В., 1999], предполагающей значительное удревнение начального процесса христианизации на Средней Кубани, что ныне поддерживают и другие специалисты [Кузнецов В.А., 2003]. Не менее актуальной является и постановка вопроса о полиэтническом характере населения Средней Кубани, характеризующимся не только стабильно устойчивыми этнокультурными признаками, но и являвшимся представителями этномиксационных процессов, произошедших в данном микрорегионе в VIII-IX вв.

Цели и задачи работы. Исходя из наличного археологического материала, они формулируются следующим образом:

- Одной из главных задач нашей диссертационной работы является представление структуры и специфики всего горькобалковского археологического комплекса;

- Анализ поселенческого и погребального археологических материалов;

- Определение датировки;

- Типологическая классификация погребальных сооружений могильников;

- По мере возможности, всесторонний анализ погребальной обрядности могильников №1 и №2;

- Продемонстрировать специфику этнокультурного и конфессионального своеобразия этих памятников;

Целью нашей работы является археолого-историческая оценка всего комплекса памятников округа Горькой Балки, как единого Горькобалковского археологического комплекса и уяснение места и роли этого объекта в истории Хазарского каганата и его владений в пределах Верхней и Средней Кубани.

Методологическая основа исследования базируется на основных принципах археологии как исторической науки, изучающей прошлое на основе материальных остатков культуры. Основными методами работы являются: описание, классификация и типология. Применялся метод статистической обработки материала и метод картографии.

Географические рамки определяются самим месторасположением Горькобалковского археологического комплекса, территориально входящего в ландшафтную зону западной части Ставропольского плато, выходящего к правому берегу р. Кубани у места впадения в нее р. Уруп. С историко-географической точки зрения, эта территория входит в пределы Средней Кубани, покрывающей собой сразу несколько современных районов Краснодарского края [Виноградов В.Б., 1992]. Однако в работе неизбежно предпринимается выход за указанные географические рамки (Верхняя Кубань и иные территории, включаемые в исторические пределы владений Хазарского каганата), так как аналогии горькобалковским археологическим материалам ныне известны как на территории Центрального Предкавказья (горы и равнины), Верхней и Нижней Кубани, а также и в пределах распространения салтово-

маяцкой культуры, ареал распространения которой ныне сопоставляется с территорией Хазарского каганата [Плетнева С.А., 1990].

Хронологические рамки диссертационного исследования определяются наличным материалом, в состав которого входит и единственная находка арабоязычной монеты. Все они, надежно позволяют хронологические рамки Горькобалковского археологического комплекса ограничить пределами VIII-IX вв. н.э.

Источниковой базой являются раскопные материалы, полученные за все время исследования округа Горькой Балки. Это - три погребения, доисследованные А.В. Гадло и Х.Х. Биджиевым на могильнике № 1. Преимущественно в нашей работе использованы отчетные материалы Е.И. Нарожного о раскопках могильников №1 и №2, а так же результаты его исследований (при участии автора работы) на поселении «Пруд». А также - отчетные материалы А.Л. Пелиха об изучении могильника №1 в 2000 г., и результаты его разведок 1997 и 1998 г. Определенное место в диссертации занимают и авторские полевые материалы, полученные в ходе разведочных работ, проводимых на Горькобалковском археологическом комплексе в 2000 и 2001 г. В диссертации использована коллекция керамического материала из Горькой Балки (сборы Н.И. Навротского), хранящаяся в фондах Армавирского краеведческого музея. Исчерпывающие используются нами уже опубликованные результаты антропологического изучения горькобалковской выборки (половозратная и краниологическая характеристики и сведения о палеопатологии) предпринятого к.и.н. М.А. Балабановой и аспирантом ВолГУ - Е.В. Первой.

Научная новизна. Рассматриваемые в работе археологические материалы, большей частью еще не введены в научный оборот, что само по себе определяет новизну предлагаемой работы. Характер имеющихся в нашем распоряжении археологических материалов позволяет по-иному взглянуть не только на сам Горькобалковский археологический комплекс, но и совершенно по-новому оценивать место и роль данного комплекса в системе других и гораздо хуже исследованных раннесредневековых памятников Верхней и Средней Кубани, позволяя ставить их в единый ряд объектов, чье появление и развитие было обусловлено единым историческим контекстом, связанным с историей Хазарского каганата. Во многом, впервые, на основе массового археологического материала ставится вопрос не только о притоке на Верхнюю и Среднюю Кубань части населения извне, но и о его заметном участии в горско-алано-тюркском межкультурном взаимодействии, завершившимся межэтническим синтезом. А это стало, скорее всего, одной из специфичных черт всего населения, оказавшегося на южных и юго-западных рубежах Хазарского каганата. Среди участников этого синтеза, как это демонстрируется в нашей работе, заметное место занимало и тюркское население, вопреки сложившейся традиции, рассматриваемое нами не столько как "болгарское" по происхождению, а как результат многочисленных "выплесков" из степей Казахстана сначала в горные и предгорные районы региона Северного Кавказа. А уже смешавшиеся с горско-аланским этнокомпонентом, их потомки,

подвергшиеся и процессу христианизации, широко расселяются (к середине VIII столетия) в пределах южного и юго-западного Хазарского приграничья. Появление этого населения на Средней Кубани заманчиво связывать с его подчинением хазарам, ставя этот процесс в прямую связь с широко дискутировавшимся специалистами вопросом об исходе северокавказских аланов (в VIII в.) на территорию СМК [Афанасьев Г.Е. 2001].

Основное защищаемое положение диссертации следует сформулировать следующим образом: Горькобалковский археологический комплекс VIII-IX вв. - это система бытовых и погребальных памятников оставленных многокомпонентным населением, участниками межэтнического синтеза, изначальные этномаркирующие признаки которого были снивелированы не только указанным взаимовоздействием (этнообразующим процессом), но и христианизацией.

Практическая значимость. В первую очередь введение в научный оборот Горькобалковского археологического комплекса закрывает собой имевшуюся ранее информационную лауну применительно к памятникам VIII-IX вв. на Средней Кубани. Картографирование всех известных археологических памятников интересующего нас характера и времени достаточно четко вырисовывает по правому берегу Кубани возможные пределы южного и юго-западного приграничья Хазарского каганата, значительно уточняя представления о пределах этого государственного образования. Предлагаемые нами наблюдения могут быть использованы при написании новых и обобщающих работ по истории и археологии указанных микрорегионов Северного Кавказа, особенно при переиздании обобщающих работ по истории населения Прикубанья и Ставропольской возвышенности. Вполне определенный интерес работа может представить и при разработке вопросов этногенеза современных тюркоязычных обитателей Верхней Кубани. Важными наши наблюдения могут оказаться и при уточнениях истории христианизации Северного Кавказа. Отдельные положения диссертации могут быть использованы при разработке учебных (в вузе и общеобразовательной школе) пособий, спецкурсов и курсов по выбору. Тем более что такой опыт автором уже накоплен. Помимо всего, на протяжении последних 11 лет, территория Горькобалковского археологического комплекса является своего рода учебным полигоном для проведения там ежегодных учебно-полевых студенческих археологических практик, выездных семинаров и конференций.

Апробация результатов работы. В процессе разработки и подготовки диссертации основные положения работы прошли предварительную апробацию.

Прежде всего, по теме диссертации автор выступал на ежегодных (IV-X) "Чтениях по археологии Средней Кубани", проводящихся по итогам полевых работ. Автор принимал участие в краевых межвузовских конференциях "Археология, этнография и краеведение Кубани" (г. Армавир – г. Краснодар), начиная с 11-й, получивших статус всероссийских. Отдельные разделы диссертационной работы были опубликованы в сборниках "Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе", "Вопросы северокавказской

истории" (г. Армавир). С докладами мы выступали на III и V "Минаевских чтениях" по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа (г. Ставрополь). Кроме того, автор выступил и на двух международных конференциях – XX Юбилейные Международные "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (г. Кисловодск), и "Донская Международная археологическая конференция" (г. Ростов-на-Дону). Автором диссертации, в соавторстве с В.Б. Виноградовым и Е.И. Нарожным в выпуске № 1 "Материалов и исследований по археологии Кубани" (г. Краснодар) и в выпусках № 1 и № 4 "Материалов и исследований по археологии Северного Кавказа" (г. Армавир) полностью были введены в научный оборот раскопанные материалы Горькобалковского могильника № 2.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы. Завершают работу приложения, представляющие собой статистические таблицы, рисунки погребений и инвентаря, карты и сводные типологические иллюстрации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении*, открывающем нашу работу, оговаривается ее актуальность, формулируются цели и задачи исследования, приводятся географические и хронологические рамки работы, дается характеристика используемой источниковой базы, описание методологии работы, ее научной новизны и практической значимости и предварительной апробации.

Первый параграф первой главы диссертации: "Горькобалковский археологический комплекс: общее представление", посвящен истории открытия и этапам изучения раннесредневековых памятников окрестностей хутора Горькая Балка в Новокубанском районе Краснодарского края, как базового археологического комплекса. За все 11 лет археологических работ (1993, 1995-2003), их охранно-спасательный характер привел лишь к частичному изучению бытовых памятников и преимущественному вниманию к двум, разрушающимся могильникам, на сегодняшний день оказавшихся наиболее изученными. В главе описываются и результаты регулярных разведочных работ, проводившихся параллельно с раскопками. [Нарожный Е.И., 1993-2003; Пелих А.Л., 1997, 1998, 2000; Соков П.В., 2000, 2001]. Данные материалы, неизбежно заставляют рассматривать их на фоне уже имеющихся данных, накопленных нашими предшественниками во время изучения раннесредневековых памятников VIII-IX вв. на территории Центрального Предкавказья, Восточного и Северо-Западного Кавказа (Л.П. Семенов; А.А. Иессен; Е.И. Крупнов; В.И. Кузнецов; В.Б. Виноградов; Е.П. Алексеева; Т.М. Минаева; М.П. Абрамова; Г.Е. Афанасьев; Х.М. Мамаев; Х.Х. Биджиев; С.Н. Савенко; В.Н. и И.В. Каминские; Е.И. Савченко и др.). Указанными исследователями, несмотря на имеющиеся различия в оценке этнокультурной специфики изучаемого региона, давались достаточно противоречивые оценки, на фоне которых изученные археологические памятники округа Горькой Балки выглядят не совсем характерными. Одной из причин тому, был доминирую-

ший интерес "к аланской истории" микрорегиона, на основе которого существующие представления о СМК использовались специалистами как отдаленный фон. Не "аланские" археологические памятники Прикубанья, не вписывавшиеся в существующие представления вызвали к жизни попытку обоснования их "болгарской" атрибуции, включая и многочисленные бытовые памятники. Археологические памятники округа Горькой Балки, дают веские основания для того, чтобы внести определенные коррективы в существующие представления об этноструктуре раннесредневекового населения Средней и Верхней Кубани, но для этого необходимо дать характеристику имеющихся в нашем распоряжении горькобалковских памятников и определить их место в системе иных раннесредневековых объектов этого микрорегиона.

Рассматривая историю изучения бытовых и погребальных памятников Горькой Балки, особое место мы уделяем и истории развития гипотезы о "болгарском" этнокомпоненте региона, явившейся, скорее всего, данью моде, поскольку, основным "признаком" присутствия болгар на Кубани, многие исследователи считают находки котлов (и их фрагментов) с внутренними ручками. Тем не менее, для нас важными являются наблюдения Г.Е. Афанасьева и О.В. Лопан, убедительно показавших истоки самой идеи такого этнокультурного сопоставления. Выделим мы и небольшую работу Е.И. Нарожного и Н.А. Лихошерстовой, в которой подобные находки учтены (помимо территории СМК) из Калмыкии, горной Сванетии, Центрального Предкавказья, Подонья - Приазовья, Волжской Булгарии, Кузнецкой котловины, Румынии, Болгарии и Венгрии, где их датируют достаточно широко. Кроме того, ныне известны и находки таких глиняных котлов на территории Золотой Орды [Булатов Н.М., Федоров-Давыдов Г.А., 1989]. По всей видимости, котлы, как этнокультурный признак, вряд ли могут расцениваться всерьез; скорее всего, их находки необходимо рассматривать лишь как свидетельство присутствия на бытовых памятниках представителей оседавшего кочевого населения. Этнокультурный же состав этого населения, применительно к Средней Кубани может быть определен на основе различных деталей погребальной обрядности раскопанных в Горькой Балке погребальных памятников. Таковых же на двух могильниках исследовано 159 [Нарожный Е.И., 1993-2003; Пелих А.Л., 2000].

Рассматривая историю изучения (накопления) сведений о горькобалковских памятниках эпохи раннего средневековья, мы еще раз подчеркнем тот факт, что все, выявленные к настоящему времени археологические объекты являются не только нетипичными для степной полосы региона, но и несущими в себе историко-археологическую информацию, имеющую важное значение для всей раннесредневековой археологии Северного Кавказа.

Второй параграф главы посвящен обзору и описанию известных к этому времени в районе хутора Горькая Балка раннесредневековых объектов. Установлено, что центральное место в комплексе этих памятников, занимает сложной структуры городище. С запада и востока к городищу примыкают два могильника. Одно поселение располагается при въезде в хутор в его центральной части, второе на территории пруда, на восточной окраине хутора.

Судя по археологическим материалам с этих объектов, можно говорить об их синхронности. Таким образом, комплекс одновременных и разнообразных бытовых и погребальных памятников округа Горькой Балки позволяет нам расценивать его как единый Горькобалковский археологический комплекс, состоящий из многочастного городища, двух могильников и двух достаточно крупных поселений.

В третьем параграфе главы мы приводим имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы с территории поселений. Подъемный материал в основном представлен фрагментами разнотипной посуды, с территории поселения "Пруд", и поселения №1, а также с разных частей городища. В разное время там были подняты выразительные образцы, включая и целые формы. Керамический материал с этих поселений позволяет констатировать тот факт, что на территории Горькобалковского археологического комплекса встречаются основные типы керамических изделий характерных и присущих для основной территории СМК (кухонная, столовая, тарная), хотя в целом ряде случаев заметными являются и группы керамики, вполне однозначно считающиеся аланскими. Также как и в пределах всей СМК, на территории горькобалковских поселений, достаточно часто встречаются и импортные формы керамики, отдельные образцы которой хорошо сопоставимы с Крымскими центрами их производства. Прежде всего – это керамический материал представленный тарной керамикой (фрагменты амфор, преимущественно с Тамани и Крыма фляг, корчаг и пифосов), типичной для территории СМК VIII-IX вв. Кроме этого на территории поселений встречены многочисленные пряслица, есть тесла - мотыжки, жернова. Все это, в комплексе с иными археологическими материалами, дает веские основания считать население, оставившее Горькобалковский археологический комплекс, преимущественно оседлым, земледельческим. Здесь рассматривается единственная раскопанная на Горькой Балке и всей Средней Кубани постройка с каменным фундаментом, внутри периметра которой была обнаружена круглая каменная опора-подставка и хозяйственная яма. Сам характер постройки меняет представление о типах жилищ бытовавших в это время на Средней Кубани. Ранее на Кизиловой Балке и ст. Каменобродской Х.Х. Биджиевым были раскопаны две постройки округлой формы из турлучного плетня, заглубленные в грунт, указывая на их стационарный характер. Х.Х. Биджиев хотя и называл их юртообразными, но фактически подразумевал под ними юрты. Следовательно, полагал исследователь, мы сталкиваемся с типично кочевническим типом жилья, и лишь на этом основании он относил отмеченные постройки к болгарам. Вместе с тем, мы позволили себе не согласиться с указанными выводами. Прежде всего, под юртами этнографы подразумевают не стационарный, а переносной тип жилья, обычно перевозившийся на повозках и снимавшийся на время ночевки с повозки. Да и само появление постройки из Горькой Балке существующее положение меняет, позволяя нам рассматривать опубликованные Х.Х. Биджиевым т.н. юртообразные строения как остатки все же не кочевого, а оседлого населения, не исключая при этом возможностей того,

что использовали их, как реминисценцию кочевого быта, кочевники, находившиеся на стадии седентеризации.

Наивысший интерес представляет находка массивного песчаникового камня базировавшегося на двух крупных плитах, выходящих из фундамента северной стены. Е.И. Нарожный и С.Н. Малахов воспринимают находки подобных "камней", как подставки под гончарный круг. Расположение подобного элемента в постройке с поселения "Пруд" Горькой Балки позволяет оценивать ее как керамическую мастерскую, тем более что аналогии таким ситуациям широко известны на территории Восточной Европы и Азии [Бобринский А.А., 1991]. Рассматривая археологические материалы с территории бытовых памятников Горькой Балки, мы можем говорить о том, что они относятся к VIII-IX вв. и принадлежали оседлому населению.

Глава II диссертации "*Классификация погребального инвентаря*" посвящена типологической классификации хотя и немногочисленных, но разнотипных предметов погребального инвентаря с территории могильников №№ 1 и 2 у хутора Горькая Балка.

Первый параграф главы содержит анализ керамики из погребений горькобалковских могильников. Из захоронений (каменные ящики и грунтовые ямы) происходят целые формы: кувшины, горшки с горизонтальным рифлением и кубышки. При типологии данной категории находок учитывались классификационные схемы С.А. Плетневой для керамики салтово-маяцкой культуры, разработки В.Ю. Малашева по раннесредневековой керамике аланских северокавказских могильников, а также методика расчетов объемов для целых сосудов представленная В.Ф. Генингом. Керамика из могильников Горькой Балки аналогична салтово-маяцкой, которая имела широкое хождение в пределах VIII-IX вв.

Второй параграф посвящен рассмотрению деталей одежды и украшений. Отдельную группу составляют детали одежды. Бронзовая подвеска, имеющая близкие аналогии из могильников Дмитровского, Больше – Тарханского, Дюрсо, Казазово 2 и поселения «Козьи скалы» датируется в пределах VIII-IX в. Бронзовые бляшки находят аналогии в материалах Танкеевского могильника VIII-IX в. и Рубежанского некрополя второй половины VIII – начала IX в.

Имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные пряжки, были сопоставлены с классификацией В.Б. Ковалевской. По ее мнению эти пряжки специфичны для СМК, так как они в основном встречаются на памятниках Подонья и Кавказа.

Во вторую группу этой категории предметов входят украшения: серьги бусы, пронизка, браслеты, перстень, привеска из кремня, круглый диск. Серьги представлены 11-ю экземплярами. При их типологии мы опирались на классификацию серег салтово-маяцкой культуры разработанную в трудах С.А. Плетневой, а так же классификацию В.Б. Ковалевской, для серег Северного Кавказа. По способу соединения кольца и подвески было выделено три отдела. Серьги первого отдела – литые, хорошо датируются по материалам Салтовского, Дмитриевского, Рубежанского, Крымского могильников второй

половиной VIII – началом IX в. Серьги второго отдела – составные, находят аналогии на Кавказе и в Подонье в материалах VIII-IX вв.

Бронзовые браслеты, представлены двумя экземплярами, разделены нами на два типа. Эти браслеты датируются VIII-IX вв.

При типологии перстней, была принята во внимание классификация для салтовских перстней разработанная С.А. Плетневой. В нашем распоряжении находится всего лишь один перстень из могильника № 2, точные аналогии которому происходят из Дмитриевского и Рубежанского могильников VIII – IX вв. Самой многочисленной группой украшений на могильниках были бусы. Всего на могильниках было найдено 22 стеклянных бусины. Используя признаки, выделенные В.Б. Ковалевской для типологии бус, вся группа разделена нами на две подгруппы: одноцветные и глазчатые, которые включали несколько видов. Всего было выделено десять видов бус. Стеклянные бусы могильников Горькой Балки находят широкие аналогии в салтово-маяцких и северокавказских памятниках VIII-IX вв.

Еще одна группа представлена несколькими единичными разнотипными предметами: это украшение подвеска из кремня, монетообразный диск и бронзовая пронизка. Аналогии последней массово представлены в аланских катакомбных могильниках Северного Кавказа VIII-IX вв.

Орудия труда рассматриваются в *третьем параграфе*. К этой категории предметов нами отнесены железные ножи, пряслица, мотыжка и терочник. Эти предметы погребального инвентаря представлены единичными экземплярами. При их классификации использовались уже известные схемы, разработанные С.А. Плетневой. В результате было выделено три типа ножей. Один тип представлен серповидным ножом, с лезвием – зубцами. Возможно, такие ножи использовались при уборке винограда. Трудно ныне соглашаться и с трактовкой "мотыжек" - тесел как сугубо воинских, "саперных лопаточек" [Сланов А.А., 2000].

В *четвертом параграфе* анализируются предметы вооружения и конского снаряжения. Все предметы этой категории происходят из могильника №2, и по функциональной принадлежности их можно разделить на собственно предметы конского снаряжения – удила, стремяна, псалии, и предметы вооружения, представленные железным кистенем. Имеющиеся в нашем распоряжении удила (2 экз.) были разделены на два типа, при этом учитывалась классификация, разработанная в трудах Г.А. Федорова-Давыдова и С.А. Плетневой. По имеющимся аналогиям, они являются характерными для VIII-IX вв. известных как в аланских древностях Северного Кавказа, так и на территории СМК.

Все горькобалковские стремяна разделены на два типа. Первый - с подпрямоугольной верхней частью, подножки у них слегка вогнутые укреплены тремя жгутами, по бокам стремян в месте перехода в подножку имеются подтреугольные вырезы. Второй тип – стремя с овальной верхней частью, с выгнутой подножкой и одним жгутом. По С.А. Плетневой, оба типа имели широкое хождение в пределах салтово-маяцкой культуры в VIII-IX вв.

Железный кистень представлен одним экземпляром. Несмотря на широкое бытование кистеней в пределах салтово-маяцкой культуры точных аналогий данному образцу мы не нашли. Отдаленно напоминающие наш экземпляр образцы ударного вооружения известны на территории Волжской Болгарии более позднего (предмонгольского) времени. Как полагают Е.И. Нарожный и Д.Ю. Чахкиев, возможно именно горькобалковский тип кистеней и мог стать своего рода прообразом для более поздних волжско-булгарских дригатов.

В *пятый параграф* мы включили прочие предметы. К данной категории были отнесены несколько предметов.

В первую группу входят четыре бронзовые обоймочки накладки и бронзовая трубочка неясного назначения.

Во вторую группу вошла медная колесовидная привеска. Такие же амулеты (колесовидные подвески, состоящие из двух вписанных колец, соединенных пятью тяжками – по В.Б. Ковалевской отдел 1, тип 8) происходят в основном из комплексов VIII-середины IX в. и считаются характернейшей находкой в аланских катакомбах, являясь принадлежностью женских захоронений. Со второй половины IX в. металлические амулеты на Северном Кавказе и СМК заменяются стеклянными и каменными.

Отдельно рассматривается арабский дирхем (определение В.Н. Настича, Институт востоковедения РАН), "чекана в Медине ас Салам (Богдаде) 153 года Хиджры (775-776 г.н.э.). Монета относится к анонимному чекану времени халифа Аль-Мансура" [Нарожный Е.И., Пелих А.Л., Соков П.В., 2004]. Данная нумизматическая находка, вполне определенно указывает на относительную датировку могильника № 1.

В четвертую группу индивидуальных находок включена плита надгробия каменного ящика № 40 могильника № 1, с прочерченным крестом, указывающая на явную христианизацию местного населения уже в VIII-IX вв.

Представив имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные, но достаточно разнообразные и выразительные предметы и их группы из состава погребального инвентаря могильников №1 и №2, мы можем сделать некоторые предварительные выводы.

Судя по аналогиям (керамика, украшения, орудия труда и предметы быта, конское снаряжение и вооружение и пр. предметы), можно констатировать тот факт, что оба горькобалковских могильника могут быть надежно датированы в пределах VIII-IX вв.

Глава III диссертации посвящена "*Типологии погребальных комплексов и их анализу*". Опираясь на 111 погребений могильника № 1 и 48 захоронений могильника № 2, а также - коллективное захоронение (3 погребенных в круглой хозяйственной яме на поселении "Пруд"), в данной главе предпринимается попытка типологической классификации погребальных сооружений.

По характеру оформления погребальных конструкций все комплексы различаются между собой и представлены каменными ящиками (преобладают), и ямными погребениями.

Каменные ящики различаются по внешним и конструктивным признакам (наличие или отсутствие каменного перекрытия, монолитное перекрытие, или перекрытие из отдельных плит, перекрытие поперечными деревянными плашками, один раз перекрытие было составлено из поперечных деревянных плах и каменных плит).

Грунтовые захоронения – это погребальные ямы, совершенные в грунте; некоторые из них были перекрыты каменными плитами, а внутри содержали остатки дополнительных деревянных конструкций гробовищ. На могильнике № 1 встречены и три катакомбы. По своим конструктивным особенностям и они различаются между собой. Погребение № 90 являло собой "классическую" катакомбу с овальной подземной камерой, с перпендикулярно расположенным к ней дромосом. Погребения № 110 и № 111 представлены катакомбой иной конструкцией, в которых дромос и камера находились на одной прямой.

Отмеченное разнообразие погребальных сооружений пока труднообъяснимо, но может отражать информацию этнокультурного и конфессионального характера.

В основу нижеследующей типологической классификации погребальных сооружений Горькой Балки был положен принцип характеристики **КОНСТРУКЦИИ** погребального сооружения с выделением различных вариантов таковых. Все погребальные сооружения мы делим на две условные **ГРУППЫ** (по способу оформления погребального сооружения). Первая группа – каменные ящики (Всего - 81% от общего количества), вторая - ямные захоронения (19%).

Параграф первый главы посвящен каменным ящикам. По характеру самого перекрытия, **первая группа** (каменные ящики) может быть разделена на типы: **ТИП 1** (77,5%) – каменные ящики, без перекрытий; **ТИП 2** (17,8%) – каменные ящики, имеющие перекрытия из камня; **ТИП 3** (3,9%) – каменные ящики, перекрытые поперечными деревянными плашками; **ТИП 4** (0,8%) – каменные ящики, перекрытые наполовину поперечными деревянными плашками и наполовину каменными плитами.

Несмотря на отсутствие или наличие перекрытий, каменные ящики, внешне различаются и по своей планиграфической конфигурации: подпрямоугольные, усеченно-ромбические и трапециевидные. Однако, зависимость между конфигурацией ящиков и способом их устройства (монолитные плиты или отдельные, вертикальные камни), не устанавливается. Учитывая вариативность различий оформления каменных ящиков, мы считали возможным, из общей массы **ТИПОВ** каменных ящиков выделить их **варианты**.

Вариант 1 – каменные ящики подпрямоугольной формы, их стенки составлены из небольших подогнанных друг к другу плит.

Вариант 2 – каменные ящики подпрямоугольной формы, стенки которых сооружены из отдельных монолитных каменных плит.

Вариант 3 – каменные ящики усеченно-ромбической формы.

Вариант 4 – каменные ящики подтрапециевидной формы, стенки их сооружены из отдельных небольших подогнанных друг к другу плит.

Вариант 5 – каменные ящики подтрапещиевидной формы, стенки которых сооружены из отдельных монолитных каменных плит.

Поскольку внутри ящиков встречались и дополнительные деревянные конструкции решетчатой или гробовидной формы, мы выделяем и несколько *подвариантов*. Они выделяются по наличию или отсутствию решетчатых и дощатых деревянных конструкций внутри каменных ящиков.

Аналогичным образом, для удобства дальнейшей работы с материалом, во *втором параграфе* типологической классификации подвергаются и грунтовые ямы.

Они делятся на **ТИПЫ** по наличию или отсутствию в них перекрытий. **ТИП 1** (90%) – простые грунтовые ямы без перекрытий. **ТИП 2** (6,7%) – грунтовые ямы с каменными перекрытиями. **ТИП 3** (3,3%) – грунтовая яма с деревянным перекрытием. Внутри каждого типа по форме и способу оформления самой могильной ямы возможно выделение нескольких **вариантов**. **Вариант 1** – выделяется условно и в него включены грунтовые ямы, границы которых прослежены не были. **Вариант 2** – грунтовые ямы подпрямоугольной формы. **Вариант 3** – грунтовые ямы подтрапещиевидной формы. **Вариант 4** – грунтовые ямы, стенки которых были частично обставлены каменными плитами. **Вариант 5** – грунтовые ямы подпрямоугольной формы, имеющие приступок, для помещения скелета лошади. **Вариант 6** – катакомба. В этом варианте вырисовывается два **ВИДА** по конструктивным особенностям катакомб.

ВИД 1 – катакомба, в которой округлая в плане погребальная камера расположена перпендикулярно входной яме.

ВИД 2 – катакомба, в которой погребальная камера и входная яма расположены вдоль длинной оси.

Вариант 7 – яма округлой формы. Деревянные конструкции из ям нами были выделены в *подварианты*.

Подвариант 1 – ямы, с решетчатыми деревянными конструкциями.

Подвариант 2 – грунтовые ямы, со следами от деревянной конструкции неустановленной формы.

Над отдельными захоронениями могильников №№ 1 и 2 были выявлены и разнотипные надмогильные (наземные) сооружения, которые рассмотрены в *третьем параграфе*. Их можно разделить на три условных типа. **ТИП 1** – каменная горизонтальная наброска или вымостка на уровне древней дневной поверхности. **ТИП 2** – "оградки" подовальной конфигурации. Встречены в двух случаях. **ТИП 3** – в виде П-образного в плане сооружения из вертикально установленных плит. Устойчивой связи в корреляции "надмогильных сооружений" с типом погребальных сооружений не устанавливается, т.к. покрывали они как каменные ящики, так и грунтовые захоронения. Любопытно отметить, что одна каменная наброска и две "оградки" были размещены над детскими каменными ящиками, перекрытыми каменными плитами. На могильнике № 2 рядом с погребениями располагались три (ритуальных?) комплекса. Два из них содержали элементы конской сбруи, а один представлял собой развал тарного кувшина.

Типологическая классификация погребальных сооружений на обоих горькобалковских могильниках позволяет констатировать, что на обоих некрополях доминируют каменные ящики (81%), остальные – грунтовые ямы (19%). Надмогильные сооружения над ними фиксируются в единичных случаях.

Поиски аналогий подобным погребальным сооружениям заставляют считать, что горькобалковские каменные ящики являются тождественными погребальным сооружениям, распространенным в горной и предгорной зонах Северного Кавказа. Их появление в степной полосе Средней Кубани заманчиво связывать с ближайшими горными районами Верхней Кубани. Среди ямных захоронений выделяются три разнотипные катакомбы, традиционно рассматриваемые как типично аланские погребальные конструкции. Доминирование же простых грунтовых ям может рассматриваться либо как показатель существования в горькобалковском этническом массиве представителей не горского и не аланского этнокомпонента, либо же речь стоит вести о каких-то внутренних процессах, под воздействием которых происходит "замена" традиционных типов погребальных конструкций на другие, новые их типы. Обосновывая эти версии, мы склонны отдавать предпочтение второй из них, полагая, что одним из воздействующих факторов в таком процессе могло стать христианство. Правда, мы вынуждены признавать и то, что отдельные типы подобных, ямных захоронений сильно напоминают ямы "зливкинского типа", традиционно связываемые с "болгарами". Вместе с тем, вряд ли стоит исключать и то, что подобные сооружения могли являться совсем не обязательно "болгарскими", а их распространение в окрестностях Горькой Балки (впрочем, как и на Средней, и Верхней Кубани), могло быть связано с проникновением сюда иного, но, обязательно, тюркского этнокомпонента. В связи с чем вновь обратим внимание на надмогильные сооружения ("оградки"), почти тождественные аналогии которым известны на территории Северного Казахстана. Там же встречено и аналогичное погребению № 5 могильника №2 захоронение с конем. Эти отдельные, наиболее яркие аналогии, скорее всего, могут указывать и на географию исхода тюрок на Среднюю и Верхнюю Кубань, заставляя отдавать именно им предпочтение в процессе тюркизации прикубанского населения, а, отнюдь, не болгарам. Тем более, что в ареалах последних, как известно, ни "оградок", ни каменных изваяний, подобных кубанским, неизвестно.

Таким образом, рассмотренная типология погребальных комплексов позволяет нам, с определенной долей уверенности вести речь о том, что в окрестностях хутора Горькая Балка оба исследованных могильника были оставлены полиэтничным населением, в составе которого ныне фиксируются представители нескольких этнических групп. Предварительно можно утверждать, что здесь выделяются группы населения, вероятно, мигрировавшие из высокогорья. Фиксируется аланский этнокомпонент и ощущаются следы присутствия представителей тюркоязычной среды. К сожалению, анализ погребальной обрядности не дает четких признаков для конкретной идентификации тех или иных групп населения.

Параграф четвертый посвящен анализу труположений. Положение захороненных в погребениях горькобалковских могильников производилось в соответствии с определенными правилами. Характер труположений, что заметно бросается в глаза при сравнении могильников №1 и №2, позволяет утверждать, что доминирующим было наличие одиночных захоронений. Только в двух случаях встречены парные захоронения. Вместе с тем, на фоне общей массы вытянутых захоронений заметны и некоторые отклонения, выражающиеся в наличии четырех слабоскорченных захоронений могильников. Внимательное рассмотрение микродеталей продемонстрировало некоторые вариации в расположении черепа, верхних и нижних конечностей. Несмотря на различные отклонения черепа в правую и левую стороны, преобладающим оставалось его положение на затылке, лицевой частью вверх. При исследовании черепов антропологами (М.А. Балабанова и Е.В. Перерва) выяснилось: у значительной части черепов были отмечены искусственные, но непреднамеренные деформации затылочной части (по типу бешик), "приобретенные" в раннем детстве (от длительного нахождения в деревянной колыбели). Определенный интерес представляют расположения таких микродеталей, как размещение верхних и нижних конечностей. Выделяется группа погребений, в которых верхние конечности вытянуты вдоль туловища. В меньшей степени представлены иные сочетания верхних конечностей. Аналогичные положения верхних конечностей были отмечены у костяков в могильниках VIII-IX вв. в Крыму близ Тиритаки, с. Родниковского и Гончарного, на христианских могильниках IX-XIII вв. Верхнего Прикубанья, на христианских могильниках у церкви Иоанна Предтечи XIII-XIV вв., и Верхний Джулат XIII-XIV вв. Не меньший интерес вызывает и положение нижних конечностей. Большинство представляют погребения, в которых кости ног, вытянуты параллельно. Подавляющее количество захоронений, как в каменных ящиках, так и в грунтовых ямах разных типов, дают основание полагать, что самым распространенным обрядом было вытянутое на спине положение костяка, с положением черепа на затылочной кости. Положение верхних конечностей могло варьировать; нижние конечности, как правило, были вытянуты, располагаясь параллельно, либо же были стянуты в нижней части голени (либо же в коленях и нижней части голени). Во всех этих случаях погребенные ориентировались головой на запад или с сезонными отклонениями от него. Только в двух случаях были встречены детские захоронения, ориентированные в противоположную (на восток) сторону. Во всех этих деталях, вероятно, может скрываться информация этнокультурного характера, но в целом ряде случаев мы можем утверждать, что труположения на обоих могильниках Горькой Балки имели и четко выраженные признаки христианизации, также как выше отмечавшиеся вариации положения рук и возможное связывание нижних конечностей.

В параграфе пятом мы рассматриваем ориентировки захоронений. Раскопки горькобалковских могильников позволили выяснить, что в погребальной обрядности как первого, так и второго некрополей наблюдаются четкие закономерности в ориентировке погребений. Все они были вытянуты по ли-

нии запад-восток, с максимальным отклонением от этой оси к северу и югу на 45°. Это правило соблюдалось, как для каменных ящиков, так и для грунтовых ям, даже катакомба была вытянута по длинной оси запад-восток. Единственным исключением пока являются детские каменные ящики №38 и №39, также ориентированные по линии запад-восток, но размещенные головами на восток. В.Ф. Генинг, а параллельно с ним В.Б. Виноградов, В.Л. Ростунов и В.Н. Дорошевский опытным путем доказали, что встречаемая на могильниках варибельность отклонений, это погрешность, связанная с тем, что точки восхода и заката в разные сезоны года по линии горизонта смещались в одну или другую сторону. Соотнеся ориентировки наших погребений с годовым движением Солнца, мы получили информацию о сезонном характере совершавшихся захоронений. Большинство захоронений не имели отклонений к северу или югу, что соответствует концу зимы, началу весны, т.е. тому переходному периоду, когда человеческий организм испытывал наибольшие стрессы. Наличие различных элементов обряда связываемых с христианством, как будто бы дает нам право вести речь о том, что западная ориентировка, являлась типичной для многих христиан в независимости от их этнического происхождения. Что же касается восточной ориентировки, то и она, несмотря на наличие аналогий, могла быть обусловлена не только этнической подоплекой, связана с совершенно иными причинами. В нашем распоряжении всего два захоронения с восточной ориентировкой и оба они предназначались для захоронений детей, что весьма важно. Возможно, предположить то, что восточная ориентировка в погребениях могильников Горькой Балки имела "языческое" происхождение и допускалась при совершении захоронений только детей, например, еще не прошедших (или еще не успевших пройти) обряд крещения при жизни.

Параграф шестой затрагивает вопросы, связанные с расположением инвентаря в погребениях могильников. Подавляющее число погребений горькобалковских могильников являлось безинвентарным. Из 96 каменных ящиков первого некрополя только 5 имели невыразительный инвентарь. Из 15 ямных захоронений этого же могильника только в четырех были отмечены немногочисленные предметы. По сравнению с ним в захоронениях второго некрополя вещи встречаются гораздо чаще. Они расчищены в 15 из 33 каменных ящиков. Из 14 ямных захоронений этого же могильника погребальный инвентарь имели четыре. Несмотря на свою малочисленность, инвентарь внутри погребений раскладывался в определенном порядке. Все сосуды ставились в изголовье, справа или слева от черепа и были обязательны для части женских и детских захоронений. Характерно и то, что украшения и предметы одежды были найдены там, где они носились при жизни. Единственный случай размещения сосуда в мужском погребении № 57 первого могильника, скорее всего, является исключением. Даже в тех погребениях, в которых сосуды были вынесены за пределы погребальной конструкции, их все равно устанавливали в районе головы умершего. Все ножи размещались в районе таза, у правого или левого предплечья вытянутой руки, т.е. там, где они вероятно и носились в обыденной жизни. Тесло было расчищено над погребени-

ем, в заполнении ямы, что опять таки с одной стороны демонстрировало устойчивость языческих традиций, одновременно не противоречащей и обрядности христианской. Серьги и бусы, естественно были характерны для женских (взрослых и детских) захоронений. Однако микротопография их расположения внутри захоронения позволяет их воспринимать не всегда как личные предметы погребенного, а считать их даром, совершенным близкими родственниками, возможно, тем самым нарушавшими существующую обрядность. Об этом говорят и несколько случаев, когда украшения были уложены в ногах – браслет, а в нем три стеклянных бусины. В погребении №87 первого могильника бусина находилась под тазом, а серьга слева от таза за стенкой гроба. В засыпке ям были расчищены монета, бронзовая трубка. Все эти случаи позволяют воспринимать часть инвентаря погребений как заупокойный дар умершему, произведенный близкими во время обряда погребения. Особенностью некоторых погребений могильников было наличие в них заупокойной пищи.

Таким образом, рассмотренная нами погребальная обрядность горькобалковских могильников при всем своем стремлении к единообразию, находит некоторые параллели в т.н. "зливкинском" погребальном обряде СМК, а так же среди аланских погребальных памятников. Однако, многочисленные аналогии найденные нами среди христианских древностей Северного Кавказа и Крыма эпохи средневековья, заставляют сделать вывод о достаточно сильном влиянии христианизации и ее канонов, отчетливо улавливающихся в материалах могильников.

Глава IV. Горькобалковский археологический комплекс VIII-IX вв. в системе синхронных памятников Верхней и Средней Кубани. Исходя из предпринятого рассмотрения и анализа археологических материалов с бытовых и погребальных комплексов Горькой Балки, мы делаем вывод о том, что в окрестностях х. Горькая Балка располагается обширный куст синхронных памятников, представляющих собой крупный археологический комплекс. Рассматривая горькобалковские бытовые памятники, мы уверенно констатировали тот факт, что по керамическому материалу этот комплекс является типично салтово-маяцким. Однако, привлечение материалов могильников заставляет рассматривать комплекс сложнее. Картографирование всех известных памятников VIII-IX вв. Средней Кубани показало, что располагаются они в среднем течении р. Кубань, на ее правобережье. На территории Верхней Кубани элементы СМК теряются в преобладающей массе аланского керамического компонента. Тем не менее, факт присутствия на Верхней Кубани не характерных для алан памятников, таких как многочисленные каменные изваяния древнетюркского облика, "скальные" могильники, а также памятники рунического письма и граффити, заставляли предполагать о появлении здесь каких-то тюрков кочевников ранее отождествлявшихся с болгарами [Кузнецов В.А., 1997]. Позднее появился и компромиссный вариант, относивший указанные памятники к смешанному "алано-болгарскому" населению [Демаков А.А., Орфинская О.В., 2001]. Однако, похожих памятников на территории расселения болгар не отмечено. Признавая, реальность проникнове-

ния на Верхнюю Кубань тюрков - кочевников, обратим внимание на тот факт, что каменные изваяния концентрируются на Верхней Кубани. По свидетельству Ф. Жила в XIX в. на Верхней Кубани было известно более 300 статуй [Нарожный Е.И., 2002]. Самое раннее изваяние приводит В.А. Кузнецов. Вполне вероятно, что традиция изготовления, установки и почитания таких статуй не единственное привнесение, распространившееся в Верховьях Кубани с притоком сюда тюрков. И.Л. Кызласов совсем недавно привел материалы, позволяющие считать, что помимо Верхней Кубани на территории Тувы, а также сопредельных с нею территорий широко использовался так называемый обряд захоронений в пещерах. Соседствуют подобные могильники из "скальников" с ареалом бытования изваяний древнетюркского типа. Вполне реально, в настоящее время, эти "скальники" ставить в прямую связь с миграцией тюрков из Тувы на Верхнюю Кубань. Вероятно с той же миграцией следует связывать и ныне известные на стенах Хумаринского укрепления знаки рунического письма, а так же иные их находки на Верхней Кубани, которые И.Л. Кызласов выделяет в особую "Кубанскую группу". Судя по археологическим материалам [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1996] обряд захоронения в "пещерках" не растворяется в местной среде, а сохраняется и в XIII-XIV вв., распространяясь восточнее. Вероятно, носители этого обряда не были полностью ассимилированы, и сохранили свой обряд и вплоть до XVIII века [Нарожный Е.И., 2002; 2003]. То же самое, на наш взгляд, демонстрируют и каменные изваяния древнетюркского типа с явными признаками изначально тюркских иконографических приемов, но с более поздними вариантами изображения на них одежды, предметов вооружения и прочего. Не случайно, именно здесь, на Верхней Кубани в среде обитания такого смешанного населения, со временем появляются и многочисленные христианские храмы, хотя и датированные временем не ранее X в. [Авдиенко В.Г., 1979]. На вышеотмеченном фоне не совсем ясной продолжает оставаться проблема этнокультурной характеристики улавливающихся тюрков. В представлении некоторых исследователей болгарская их отождествленность базировалась главным образом на версии, по которой находки котлов с внутренними ручками (широко встречающихся на Средней и Верхней Кубани) считались основным этномаркирующим болгарским признаком. Однако в специально посвященных этой теме работах, Е.И. Нарожный, О.В. Лопан и Г.Е. Афанасьев справедливо сомневаются в правомерности такого отождествления. По этой причине следует искать иные истоки тюркского присутствия на Верхней и Средней Кубани.

Еще в XVIII в. Якоб Рейнеггс, описывая бассейн "реки Уарп" (т.е. Уруп), оставил упоминание об увиденных им "вросших в землю" каменных статуях. Судя по реальным находкам каменных изваяний бассейна р. Уруп, особенно в Восточной его части в свое время сделанных Е.Д. Фелицыным и М.Н. Ложкиным, эти изваяния древнетюркского типа. Кроме того, в верховьях Урупа ныне известны и скальные захоронения, на протяжении последних лет изучаемые И.В. Цокур. Находятся они в округе известного Ильичевского археологического комплекса и датируются в пределах VIII-XII вв. Здесь же на

Ильичевском городище ныне выявлены и самые ранние христианские храмы в свое время открытые Н.В. Анфимовым и М.Н. Ложкиным. Отмеченные обстоятельства для нас важны тем, что наличие на Ильичевском комплексе следов пребывания тюрок (изваяния), а так же "скальников", и погребальных комплексов сугубо аланского населения (грунтовые захоронения и каменные ящики), показательны. По крайней мере, эти обстоятельства дают нам все основания указывать на возможный путь миграций верхнекубанского населения, которое переселяется на Среднюю Кубань, скорее всего, к первой половине VIII в. Эту хронологическую привязку нам демонстрируют самые ранние находки горькобалковского могильника №2 (бусы, серьги, амулет и т.д.) относящиеся к VIII в. Если это так, становится понятным и появление на Горькой Балке разнотипных погребальных комплексов, оставленных смешанным и возможно, уже христианизованным населением.

Несколько сложнее дело обстоит с определением генезиса ныне хорошо ощущаемого тюркского компонента. Среди имеющихся в нашем распоряжении данных "наследие" тюрок представлено эпизодически: это тамгообразные знаки, вымостки, наброски из камня и оградки встреченные над погребениями. К этому следует добавить и наблюдения М.А. Балабановой, полагающей, что тюркский этнокомпонент заметно присутствует и на обработанном ей антропологическом материале из Горькой Балки. В этой связи видим возможным, обратиться к погребению №5 могильника №2, т.е. единственному пока захоронению, содержащему скелет человека который сопровождался скелетом лошади. По заключению ставропольских специалистов, специально изучавших скелет лошади из этого захоронения, животное относилось к так называемым среднепородистым верховым скакунам, имевшим высоту в холке до 140 см, и что особенно интересно, восточного происхождения. При поисках аналогий, тождественные признаки, что самое главное, мы находим на территории Казахстана, где точно такие же погребения с конем встречаются в курганах кочевников с оградками под курганной насыпью. Будет совсем небезынтересным, что казахские исследователи, датируя подобные археологические объекты Казахстана временем не ранее VIII в. полагают, что подобные памятники там распространяются после распада 1-го Тюркского каганата. В качестве рабочей гипотезы сегодня и мы считаем возможным рассматривать реальность того, что к VIII в. именно выплески "из-за Волги" потомков тюрок – выходцев из первого Тюркского каганата могло составить и ядро той самой тюркской экспансии освоившей Верхнюю Кубань. Вполне возможно, что именно эти выплески способствовали распространению на Северном Кавказе не только традиции использования оградок, но и установки каменных изваяний, распространению скальных захоронений, захоронений с конем и прочее. По всей вероятности, оказавшись на Верхней Кубани, потомки 1-го Тюркского каганата вступают в тесное взаимодействие с тем автохтонным населением, обитавшим здесь до их прихода и имевшим черты преобладающей аланской их первоосновы. Выше мы уже подчеркивали, что улавливаемые следы выплесков тюрок на Верхнюю Кубань не привели к их полному растворению, поскольку некоторые черты их мироощущения, мате-

риальной культуры, и погребальной обрядности продолжают сохраняться и в более позднее время. Вероятно, что и аланское население не осталось этнически замкнутым, продолжая сохранять свои давние и традиционные черты, что подтверждают находки пока немногочисленных катакомб на могильнике №1 х. Горькая Балка, совершенных в явно присущей для северокавказских алан манере. Другими словами мы сталкиваемся с явным проявлением межэтнического взаимодействия, имевшего место на Верхней Кубани. Достаточно интересной является и проблема определения времени и условий перемещения уже синтезного алано-горско-тюркского этнического массива с Верхней Кубани в бассейн Среднего ее течения. Данное событие, скорее всего, имело место в рамках того широкого переселения северокавказских аланов в пределы СМК, по поводу которого в свое время в специальной литературе происходила достаточно оживленная дискуссия. Имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы позволяют вести речь о том, что эти переселения на Среднюю Кубань могли произойти в рамках 1-й половины VIII в. Здесь следует сослаться на достаточно убедительные аргументы Г.Е. Афанасьева считающего, что вряд ли такое массовое изменение демографической ситуации могло произойти без вклада хазарских каганов. Отмеченная миграция, как представляется, не только обеспечивала занятия обширных степных просторов Средней Кубани, но и способствовала росту числа бытовых памятников вдоль внешней границы Хазарии на Кубани. По крайней мере, именно так сегодня можно объяснить, как сам факт существования горькобалковских объектов вместе с целой серией бытовых памятников на правом берегу Кубани, но и то обстоятельство, что далеко к югу от них возникает хорошо укрепленное пограничное Хумаринское городище. Со временем, рост числа таких памятников в стороне от правобережья Кубани мог объясниться и развитием сети торгово-караванных маршрутов, так или иначе тяготевших к Великому Шелковому пути, ответвившихся от него вглубь горных ущелий. На наш взгляд картография выше отмечавшихся памятников VIII-IX вв., позволяет нам от Хумаринского городища на юге по верховьям реки Уруп, а затем по ее течению вниз и далее по правому берегу Кубани вычерчивать линию внешней границы Хазарского каганата с середины VIII в.

К сожалению, имеющиеся письменные источники не дают нам никаких оснований для отождествления ни ГАК, ни других среднекубанских бытовых памятников с какими либо конкретными названиями. Однако исключение составляет лишь одно более позднее историческое сочинение, принадлежащее арабскому географу XII в. ал-Идриси. М.В. Бейлис, комментируя свидетельство ал-Идриси, пришел к заключению, что упоминающийся в трактате средневекового автора город или область "ал-Ланийя" следует искать где-то в пределах современного города Армавира. Вполне возможно, что на роль "ал-Ланийи" может претендовать рассматриваемый нами комплекс.

Помимо этого Горькая Балка привлекает внимание и с иной точки зрения. Выше уже указывалось о христианском характере захоронений на могильнике №1 и №2. Учитывая историю христианизации населения всего Северного Кавказа, наиболее представленную в многочисленных трудах и од-

ной из последних монографий В.А. Кузнецова, где неоднократно указывалось на тот факт, что наибольшая активность христианского миссионерского воздействия на население Северного Кавказа (включая и Верхнее Прикубанье) приходилось на X в. и осуществлялось со стороны Византии. Вместе с тем этот автор неоднократно оговаривал и возможность более раннего распространения христианства, в особенности на Верхней Кубани. Материалы Горькой Балки эту версию подтверждают.

В 2002 году опираясь на опубликованные Е.И. Нарожным и С.Н. Малаховым кресты из округа Горькой Балки и предложенную ими более раннюю дату христианизации (как минимум серединой VIII в. н.э.) В.А. Кузнецов не только принял, но и посчитал эту версию вполне перспективным направлением. Это признание кавказоведа открывает новые перспективы и в трактовке Горькобалковского комплекса, объясняя причины складывания здесь несколько отличающейся от других памятников Северного Кавказа погребальной обрядности, характеризующейся почти полной безинвентарностью.

Таким образом, завершив обзор изученных памятников VIII-IX вв. из округа хутора Горькая Балка, мы можем подвести некоторые итоги, которые приводятся в заключении работы.

1. Рассматриваемые археологические памятники, несмотря на малочисленность погребального инвентаря, могут быть датированы периодом с VIII по IX в.

2. Безинвентарность большинства захоронений на двух горькобалковских могильниках можно объяснить процессом христианизации, охватившим этот регион уже в VIII веке, что, должно было сnivelировать этнокультурные различия погребенных, обеспечив и скудость инвентаря и объясняя наличие над захоронением №40 могильника № 1 каменной плиты с прочерченным крестом.

3. Несмотря на относительную схожесть погребений обоих могильников, в оформлении некоторых из них ясно прослеживаются черты "традиционной" культуры. Так, парные захоронения № 8 и № 20 могильника № 1, погребение № 39 могильника № 1 с использованием жернова, три катакомбы (№ 90, № 110, № 111), указывают на их "алано-горское происхождение, что подтверждают и данные антропологии.

4. Вместе с аланоидным этнокомпонентом, на могильниках встречены и яркие (хотя и малочисленные пока) свидетельства о присутствии здесь сильно тюркизованного этнокомпонента. Последний, на наш взгляд, являясь результатом миграций (к первой половине VIII в – ?) тюрок из степей Казахстана на Северный Кавказ, которые оставили заметный след в материальной культуре высокогорья региона. Вполне реально, сегодня, речь вести о том, что интегрировавшись в местную среду, тюрки, вернее уже потомки их синтеза с алано-горским этнокомпонентом, оказались в степной зоне Средней Кубани. Последнее и объясняет наличие на Горькой Балке уже указывавшихся следов тюркского "наследия". Вполне реально, что процесс такого расселения шел с ведома и под контролем Хазарии, которая, впрочем, не препятствовала процессу христианизации этого населения. Влившись в состав Ха-

зарии, горькобалковское население VIII-IX вв., фактически оказалось по пограничной линии государства, которую сегодня можно очертить по правому берегу Кубани, от ее верховьев и до самой дельты этой же реки.

Именно таким образом ныне реконструируются процессы, проистекавшие на Средней Кубани в VIII-IX вв., которые и обусловили появление такого археологического комплекса, как Горькая Балка.

Список работ опубликованных автором по теме диссертации:

1. Виноградов В.Б. Горькобалковский могильник №2 VIII-IX вв. (Публикация материалов) / Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. //Материалы и исследования по археологии Кубани. Выпуск №1. – Краснодар, 2001. – С.138-167.
2. Виноградов В.Б. Горькобалковский могильник №2 VIII-IX вв. (2) (Публикация материалов) / Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. //Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.1. – Армавир, 2003. – С.115-141.
3. Виноградов В.Б. Горькобалковский могильник №2 VIII-IX вв. (3) (Публикация материалов) / Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. //Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.4. – Армавир, 2004. – С.179-199.
4. Виноградов В.Б. Горькобалковский археологический комплекс: некоторые итоги изучения / Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Пелих А.Л., Соков П.В. //Седьмые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 2000. – С.29-31.
5. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. Погребение №28 могильника №2 у хут. Горькая Балка / Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. //Восьмые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 2001. – С.25-29.
6. Виноградов В.Б. К проблеме локализации свидетельства ал-Идриси (XII в.) на Средней Кубани / Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. //Девятые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 2002. – С. 21-22.
7. Виноградов В.Б. Еще раз о возможной локализации "ал-Лайнии" ал-Идриси / Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. //Десятые чтения по Археологии Средней Кубани. – Армавир, 2003. – С.8-9.
8. Муравенко Е.В. Новые находки амфор с поселения "Пруд" у хут. Горькая Балка / Муравенко Е.В., Соков П.В. //Десятые чтения по Археологии Средней Кубани. – Армавир, 2003. – С.22-25.
9. Нарожный Е.И. Два каменных ящика с территории могильника у х. Горькая Балка / Нарожный Е.И., Соков П.В. //Четвертые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 1997. – С.15-17.
10. Нарожный Е.И. Об аланском этнокомпоненте горькобалковского мо-

- гильника №1 / Нарожный Е.И., Соков П.В. //Пятые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 1998. - С.26-28.
11. Нарожный Е.И. Погребение №1 с территории поселения «Пруд» (окрестности х. Горькая Балка) / Нарожный Е.И., Соков П.В. //Шестые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 1999. - С.22-24.
 12. Нарожный Е.И. Об основных типах поселенческого керамического материала со Средней Кубани (По материалам Кизиловой и Горькой Балок) / Нарожный Е.И., Соков П.В. //Девятые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 2002. - С.25-29.
 13. Нарожный Е.И. Два новых погребальных сооружения могильника №1 у хут. Горькая Балка / Нарожный Е.И., Соков П.В. //Десятые чтения по Археологии Средней Кубани. – Армавир, 2003. - С.17-20.
 14. Нарожный Е.И. Раннесредневековый дирхем с территории Горькобалковского могильника № 1 / Нарожный Е.И., Пелих А.Л., Соков П.В. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.4. – Армавир, 2004. - С.319-321.
 15. Пелих А.Л. Дирхем VIII в. из Горькобалковского могильника №1 / Пелих А.Л., Соков П.В. //Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Материалы 7-ой региональной научно-практической конференции. Часть I. – Армавир, 2001. - С.8-9.
 16. Погребняк Е.В. Серьги горькобалковского могильника №1 / Погребняк Е.В., Соков П.В. //Седьмые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 2000. - С. 31-33.
 17. Погребняк Е.В. Стекланные бусы горькобалковских могильников /Погребняк Е.В., Соков П.В. //Восьмые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 2001. - С.23-25.
 18. Погребняк Е.В. Новые находки стекланных бус на могильнике № 2 близ хутора Горькая Балка / Погребняк Е.В., Соков П.В. //Девятые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 2002. - С.19-20.
 19. Погребняк Е.В. Стекланные бусы могильников у х. Горькая Балка / Погребняк Е.В., Соков П.В. //Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы 11-й всероссийской межвузовской, аспирантско-студенческой конференции. – Краснодар, 2003. - С.13-14.
 20. Соков П.В. К вопросу о грунтовых захоронениях на могильнике у х. Горькая Балка / Соков П.В. //Четвертые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 1997. - С.13-15.
 21. Соков П.В. О горькобалковской "катакомбе" из раскопок 1997г. / Соков П.В. //Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы VI краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. – Армавир-Краснодар, 1998. - С.10-11.
 22. Соков П.В. Катакомба-кенотаф с территории могильника №1 у х. Горькая Балка / Соков П.В. //Пятые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 1998. - С.24-25.

23. Соков П.В. О фауне округа Горькой Балки эпохи раннего средневековья / Соков П.В. //Шестые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 1999. - С.17-18.
24. Соков П.В. Горькая Балка: дискуссионные аспекты датировки могильника №1 / Соков П.В. //Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы VIII краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. – Армавир-Краснодар, 2000. - С.12-13.
25. Соков П.В. Из истории изучения археологических древностей у х. Горькая Балка / Соков П.В. //Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы IX краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. – Армавир-Краснодар, 2001. - С.9.
26. Соков П.В. К истории изучения могильника №1 у хутора Горькая Балка / Соков П.В. //Вопросы северокавказской истории. Сборник научных статей. Выпуск 6. Часть 1. – Армавир, 2001. - С. 3-10.
27. Соков П.В. О двух клеймах с керамики Горькобалковского могильника №2 / Соков П.В. //Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир, 2003. - С.195-198.
28. Соков П.В. О кочевнических захоронениях с территории Кубинского городища в Карачаево-Черкесии / Соков П.В. //Десятые чтения по Археологии Средней Кубани. – Армавир, 2003. - С.12-13.